

CULTURAL GUIDELINES AND “INSTITUTIONAL TRAPS” OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

¹ Oleksandr Dlugopolskyi

² Yuriy Ivashchuk

³ Tatyana Dlugopolskyi

1. *Ph.D., Associate professor, Ternopil National
Economic University, Ukraine.*

2. *lecturer of the chair «Economic Theory» Ternopil National
Economic University, Ukraine.*

3. *lecturer of the chair «legal regulation of economy and law»,
Ternopil National Economic University, Ukraine.*

Abstract

The article deals with the problem of «institutional gaps» formation in a contest of S.Schwartz theory of cultural orientation, the phenomenon of Nordic model of economic development in a contest of values and cultural orientation is discussed, the vectors of institutional modernization of social-economic systems are proposed.

Keywords: trust, institute, social capital, cultural values.

Часто, говоря о кардинальных различиях в уровнях развития экономик разных стран мира, ученые акцентируют внимание лишь на социально-экономических и финансово-ресурсных показателях, забывая о культурно-институциональных несоответствиях, которые в новой институциональной теории рассматриваются как основополагающие для обоснования траекторий и стратегий развития. Одной из таких значимых концепций является карта культурных ориентиров С. Шварца.

Теория С. Шварца апеллирует к культурным ценностям в ориентации стран в рамках триады «(не) равенство – (не) зависимость – (не) вмешательство». Так, рассматривая особенности взаимодействия индивида и группы, С. Шварц выделяет автономные (*Autonomy*) и зависимые культуры (*Embeddedness*). Автономные культуры рассматривают индивидов как независимых субъектов, которые должны изыскивать цели развития в своей самобытности и уникальности, следовать внутренним предпочтениям, чувствам и мотивациям. Здесь можно выделить интеллектуальную автономию (*Intellectual autonomy*), апеллирующую к собственным идеям и креативному мышлению индивида, а также эмоциональную автономию (*Affective autonomy*), обращающуюся к эмоциональному положительному опыту индивидов. Зависимые культуры, в противовес автономным, рассматривают индивидов исключительно как вовлеченных в коллективные действия через плотные социальные связи, идентификацию себя внутри группы, реализацию коллективных социальных целей (во внимание принимаются многочисленные социальные нормы и уважение к традициям).

Рассматривая особенности социальной структуры общества, ученый предложил выделение иерархической системы ценностей (*Hierarchy*), при которой легитимно существует неравное распределение власти, ролей и

ресурсов, а коллективные интересы доминируют над индивидуальными, и эгалитарной (*Egalitarianism*), когда все члены общества рассматриваются как равноправные и равноценные, кооперирующиеся лишь с целью достижения собственных интересов.

В урегулировании отношений социума и природы С. Шварц выделил два типа поведения индивидов: 1) активное самоутверждение (*Mastery*) с целью изменения окружающей среды для удовлетворения как личных, так и коллективных целей; 2) гармоничное сосуществование (*Harmony*) с миром, проявляющееся в стремлении понять и адаптироваться к окружающей среде больше, чем видоизменить его.

Итак, на карте культурных ориентиров (рис. 1) представлены три bipolarных измерения культуры: автономия (*Autonomy*) против зависимости (*Embeddedness*), иерархия (*Hierarchy*) против эгалитаризма (*Egalitarianism*), вмешательство (*Mastery*) против гармонии (*Harmony*).

Распространяя теорию культурных ориентиров С. Шварца на качество институциональной среды, можно утверждать, что страны, культуре которых присуща интеллектуальная автономия, эгалитаризм и гармония в отношениях с природой (страны Западной Европы, в т.ч. Скандинавские страны) характеризуются значительно меньшим уровнем коррумпированности, более качественными институтами и высоким уровнем общественного доверия, чем страны с зависимыми культурами, высоким уровнем развития иерархических отношений и стремлением изменить окружающую среду (страны Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки, СНГ).

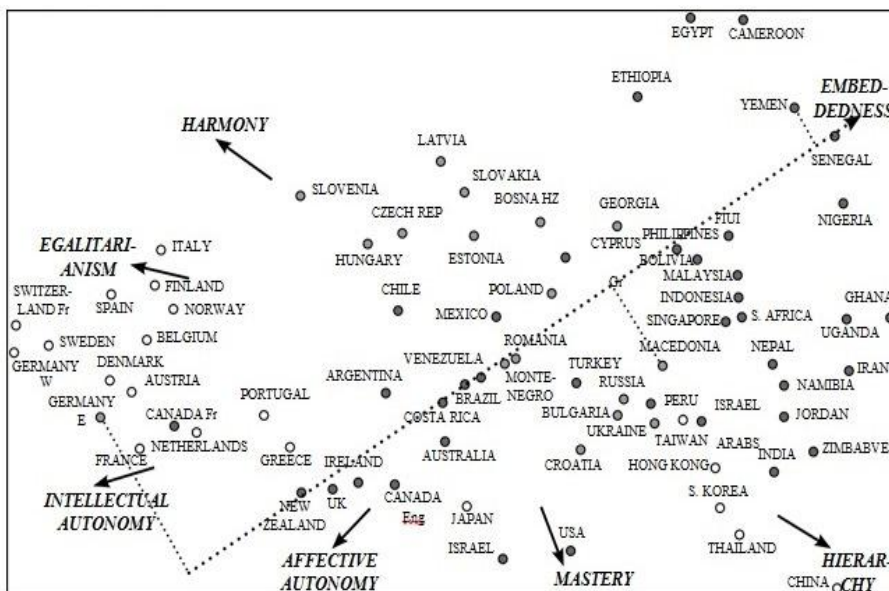

Рис. 1. Карта культурных ориентиров (76 национальных групп)*

*Источник: [1, с. 181]

Дополнительным фактором подобных культурных феноменов является наметившийся во многих странах Запада тренд к уменьшению количества членов семьи, социальной мобильности, универсальности и рациональности. Такой процесс характеризуется своеобразным упадком семьи и отказом от партикулярных подходов к взаимопомощи, которые сдерживали развитие рыночных отношений. Присущий азиатским странам упор на групповой ответственности, прежде всего в отношении семьи, более заметный, чем в странах Америки или Европы, влечет за собой высокий уровень коррупции, тенизации экономики, а также развитие иных «институциональных ловушек». Согласно выводам «*Transparency International*», коррупционные показатели развитых восточноазиатских стран существенно превышают средние [2]. Только Япония является довольно интересным исключением из этого правила. Анализ японского феномена институционального развития свидетельствует о том, что законы и правила нарушаются здесь значительно реже именно потому, что такое поведение позорит семью (или фирму), а также бесчестит самого правонарушителя. Тем не менее, в высших эшелонах власти и бизнеса наблюдается достаточно высокий уровень коррупции.

Бывшие коммунистические страны, за исключением Венгрии и Чехии, относятся ко второй части «коррупционного списка». Им разной степени присуще сочетание родства, государственного коммуитаризма, иерархической религиозной культуры (католической или православной) и партийного партикуляризма, который в коммунистические времена приводил к небывалому расцвету коррупции.

Проблемы неадекватности средств, применяемых для достижения целей, партикулярных норм, присущих семье, продолжают оказывать влияние на поведение многих народов. Если рациональные рыночные ценности и законность в странах, подверженных активизации «институциональных ловушек», смогут «взять верх», то уровень коррупции и тенизации в них существенно снизится. Именно это произошло в свое время с такими успешными сегодня и полностью рыночными экономиками, как Гонконг, Тайвань и Сингапур. Пример Грузии также не оставляет сомнений в актуальности именно институциональной модернизации в контексте реформирования экономик.

Что касается скандинавского феномена законопослушания и практически полного отсутствия коррупции и тенизации, то они являются результатом гармоничных отношений между отдельной личностью и обществом в целом. Не случайно, например, Дания, Норвегия или Финляндия являются олицетворением «общества всеобщего благоденствия». Важным является и тот факт, что в скандинавских странах разные по уровню доходов слои населения пользуются равными социальными возможностями (подражание закону Янте). Корни негативного отношения к коррупции можно найти именно в культурных традициях. В скандинавских странах основное религиозное течение – протестантизм, а, как известно, в протестантской морали заложена ответственность каждого за общий закон. К тому же, общественные отношения здесь принято ценить значительно выше родственных, и скандинавы, не характеризуются чрезмерной семейственностью, которая часто служит основой для злоупотребления властью (как, например, в Италии, Греции), с коррупцией в быту практически не сталкиваются.

Резюмируя, отметим, что на современном этапе развития экономических систем «институциональным ловушкам» присуще самовоспроизведе-

дение, истоки которого содержатся в социально-экономическом устройстве общества. Коррупция, например, появляется там, где логика функционирования государства противостоит логике развития общества или логике социального воспроизводства. Паразитирующие проявления коррупции приводят к экономическому упадку и снижению общего благосостояния, поскольку в выборе приоритетов предпочтение отдается тем проектам, которые приносят большую выгоду личным интересам, а не общественным. При этом доходы, полученные от реализации таких проектов, никогда не используются как инвестиции и не направляются на удовлетворение потребностей населения.

References:

1. Schwartz S.H. A theory of culture value orientations: explication and applications / S.H. Schwartz // *Comparative Sociology*. – 2006. – Vol.5. – P.137-182.
2. Corruption Perceptions Index 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transparency.org/policy_research.